

Анна Ивановна Цомакион

**Джузеппе Гарибальди. Его
жизнь и роль
в объединении Италии**

Жизнь замечательных людей

Анна Цомакион

**Джузеппе Гарибальди.
Его жизнь и роль в
объединении Италии**

«Public Domain»

Цомакион А. И.

Джузеппе Гарибальди. Его жизнь и роль в объединении Италии / А. И. Цомакион — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Гарибальди и Италия (Введение)	7
Глава I. Детство. Юность и первые шаги на политическом поприще	10
Глава II. Гарибальди в Америке	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

А. И. Цомакион
Джузеппе Гарибальди
Его жизнь и роль в объединении Италии
Биографический очерк
С портретом Гарибальди,
гравированным в Петербурге К.
Адтом, и другими иллюстрациями

Гарибальди и Италия (Введение)

Вся деятельность Гарибальди, вся его жизнь так тесно связаны с судьбою родины, что биографу его на каждом шагу приходится возвращаться к истории Италии. Встречаются люди – это редкие исключения – которые, увлекшись в молодости какой-нибудь одной идеей, до того роднятся с ней, что все свои силы в течение всей последующей жизни безраздельно отдают служению этой особенно дорогой для них идее. К таким исключительным натурам принадлежал Гарибальди, и вот почему: с той поры, как в душу едва сложившегося юноши запала мечта о возрождении его прекрасной родины и вместе с нею страстное желание воплотить мечту в действительность, судьба его неразрывно сплелась с судьбою Италии. Каждый отдельный период его жизни определяется течением событий в его отечестве в соответствующие годы. Только в связи с этими событиями каждый шаг народного героя приобретает настоящий смысл и значение. Узнать и понять Гарибальди можно, только узнав и поняв Италию и те мечты и надежды, которые одушевляли лучшую часть итальянского общества в начале XIX столетия.

В первые десятилетия XIX века печальная политическая судьба полуострова не переставала занимать мысли передовых людей Италии. Сознывая громадные духовные силы своей нации, подарившей миру таких гениев слова, как Данте, Петрарка, Боккаччо, Ариосто, Торквато Тассо, таких мыслителей, как Макиавелли, Галилей, Джордано Бруно, таких корифеев искусства, как Рафаэль и Микеланджело, – люди эти не могли примириться с ее политическим ничтожеством, с приниженностью и забитостью ее народа.

Страна, пережившая блестящую эпоху Козьмы и Лоренцо Медичи, служившая очагом, откуда распространилось знакомство с гением классической древности, страна, из которой разлился яркий поток света, рассеявший тьму средневекового невежества, не должна была оставаться покорной рабой случайных завоевателей. Хотя ни одно государство Европы не пережило тех бедствий, какие выпали на долю Италии, однако в ней таились еще силы, способные поставить ее в один ряд с любым из этих государств. Это сознавали лучшие люди страны и целью своих стремлений ставили выволить родину из того состояния политического бессилия, которое явилось результатом исторической судьбы полуострова. Богато одаренная природой, наделенная счастливыми климатическими условиями, осененная густою синевою южного неба, залитая светом и теплом, цветущая страна с давних времен привлекала к себе чужеземцев.

Заглядывая в глубь веков, мы видим, как она поочередно разделяется и расчленяется римлянами, германцами, остготами, лонгобардами, арабами, французами, испанцами. Мы видим ее изнемогающею под гнетом мелких деспотов, раздираемою междоусобными распрями отдельных республик и тираний, угнетенною и обессиленною владычеством пап и нескончаемой борьбой их с императорами, развращенною и поверженною в прах разъедающей язвой кондотьерства. Народный характер, отравленный в самом корне, теряет свою самостоятельность и приобретает рабские, низменные наклонности; в народе исчезает чувство национальности и независимости; угнетенный и подавленный, он погрязает в тупости, суеверии и невежестве. Земля разбита на мелкие владения, самостоятельные или подвластные, потерявшие между собою связь; название “Италия” становится пустым звуком, не имеющим содержания. По мере того, как протекают века в кровавых войнах и нескончаемых бедствиях, из недр истрадавшегося общества время от времени раздаются голоса, взывающие о слиянии воедино разрозненных частей несчастной родины. Таковы стремления папы Григория VII, такова вдохновенная проповедь Данте, поддержанная голосом Петрарки, попытка Кола ди Риенцо, воззвания Макиавелли. Но эти страстные призывы не находят отголоска в массе народа и с течением времени постепенно умолкают. Сохраняя по-

прежнему свою роль покровительницы науки и искусства, Италия в политическом отношении погружается в глубокий и продолжительный сон. Но подобие смерти не есть еще смерть: пробуждение наступит, Италия проснется, когда вокруг нее зашумят соседи.

К тому времени, когда разразилась французская революция, раздробленность страны исключала для нее всякую возможность состязаться с другими государствами в могуществе и богатстве. В обществе царила глубокая апатия. Низший класс по-прежнему пребывал в крайнем отупении, среднего сословия не было, дворянство потеряло всякое чувство личного и политического достоинства, папство и правительство своею политикою подавляли дух национализма и единства. По мнению лучших людей того времени, сохранивших еще патриотическое чувство, всякая надежда на возрождение Италии являлась несбыточной фантазией.

В таком виде застают Италию в 1796 году походы Наполеона I. После мира в Кампоформии облик страны совершенно преобразовывается. Венецианская республика отходит к Австрии, Ломбардия обращена в Цизальпинскую республику, папа изгнан из Рима, король Фердинанд – из Неаполя, на месте их владений возникают новые республики – Римская и Парthenопейская. Пьемонт присоединен к Франции; Модена, Феррара и Болонья образуют республику Циспаданскую. Хозяйничая таким образом в Италии, Наполеон старался только ослабить итальянские государства и подчинить их своему влиянию, мало заботясь о цели посланной его директории освободить эти земли от тяготевшего над ними гнета. Тем не менее, несмотря на свою неискренность, политика его принесла стране громадную пользу и подготовила почву для событий последующих лет. Введенная им во все отдельные государства однообразная система управления впервые вызвала в этих разрозненных дотоле элементах сознание единства интересов и чувство солидарности. Еще более важное значение для политического развития страны имели нововведения, внесенные “Кодексом Наполеона”: равенство перед законом всех сословий, уничтожение феодальных привилегий и одинаковое для всех право владения землею. Эти нововведения сразу перенесли общество в сферу новых понятий и совершенно изменили его строй. Третьим, и, пожалуй, наиболее плодотворным результатом кратковременного правления Наполеона I в Италии было *возрождение идеи национальной независимости*.

События, ознаменовавшие начало нынешнего столетия, внесли в жизнь Апеннинского полуострова новые перемены. На Венском конгрессе происходит новое распределение его территорий. В Неаполе и Сицилии, еще до походов Наполеона составлявших так называемое королевство Обеих Сицилий, водворен дом Бурбонов в лице Фердинанда IV; королевство Сардинское восстановлено в прежней целостности (Пьемонт и остров Сардиния), и, кроме того, к нему присоединена еще Генуя.

На основании постановления Венского конгресса большая часть полуострова попадает под власть Австрии или находится в более или менее непосредственной от нее зависимости. Но Италия 1815 года уже далеко не Италия 1796-го. Новые течения уже охватили общество, проникли в литературу. Ряд выдающихся писателей начал дело перевоспитания народа. Отчаяние и негодование, вызванные военным деспотизмом Наполеона, наиболее резко выразились в сочинениях Альфьери и Уго Фосколо. Альфьери с искренним сочувствием приветствовал разрушение старого порядка во Франции; но после завоевания Италии Наполеоном в нем пробудилось страшное негодование против французов, “этой нации тигров, осквернивших свободу”, как он их называл. В трагедиях своих, проникнутых ненавистью к существующему порядку, он громит итальянское общество, рисует весь ужас его падения и, противопоставляя ему величие героев древности, указывает новые пути, новые идеалы. Изгнанные со сцены публичных театров трагедии эти появляются в тавернах и на площадях, разыгрываемые бродячими актерами и даже простыми рабочими. Уго Фосколо, подобно Альфьери сначала ожидавший возрождения Италии от революционной Франции,

видя несбыточность своих надежд, посвящает себя литературе, чтобы этим путем влиять на соотечественников. Своими сочинениями, имевшими на итальянцев еще большее влияние, нежели трагедии Альфьери, он старается возбудить в поработщенной нации чувство собственного достоинства, чтобы, по крайней мере, заменить уважением презрение к ним победителей. Он упрекает итальянцев в инертности, в пассивном ожидании свободы от щедрот других народов, на долю которых они оставляют труды и опасности, в то время как сами ограничиваются платоническим желанием быть независимыми.

От слова недалеко было до дела.

Но не только эти, так сказать, чисто внутренние импульсы пробуждали Италию к новой жизни; весь ход политических событий на континенте способствовал скорейшему осуществлению задач итальянских патриотов. Италия не могла оставаться чуждой тем новым стремлениям, которые охватили всю Европу в первые десятилетия XIX века и выразились в так называемых национальных движениях. Течения эти нашли в стране почву вполне подготовленную, свежая волна новых веяний увлекла Италию и вызвала образование тайных обществ с патриотическими задачами. Между последними особенно выделялось общество карбонариев или угольщиков, густою сетью покрывшее всю страну. Первоначальная цель этого общества заключалась в изгнании французов, но впоследствии программа его расширилась, хотя никогда не отличалась определенностью. Таким образом, к началу двадцатых в Италии образовалась партия действия, которая заявляет себя рядом частных восстаний.

Если дух времени и естественная эволюция политических воззрений способствовали благополучному разрешению борьбы Италии за независимость, то не менее обязана она успешным ходом этой борьбы тем великим деятелям, которые в трудную минуту отдали ей свои силы и свою безграничную любовь. В импонирующем величии выступают четыре центральные фигуры этой эпохи в истории Италии. Несмотря на несходство ролей, выпавших на долю каждого из них, несмотря на существенное различие в подробностях своей политической программы, Мадзини, Гарибальди, Кавур и Виктор Эммануил успешно доводят до конца дорогое для них дело, благодаря главным образом самоотвержению и стойкости, которыми характеризуется деятельность каждого из них. Можно сказать безошибочно, что несходство личных характеров, приемов и общественного положения этих четырех главных деятелей в истории освобождения Италии послужило только на пользу ее делу. Страстная проповедь Мадзини увлекает, главным образом, мыслящую часть общества; на массу народа обаятельно действует своими небывалыми подвигами “человек великих инстинктов”, сын народа, Гарибальди, соединивший в себе, как в фокусе, лучшие черты своей нации и потому для нее понятный; конкретным олицетворением единства этой нации является в глазах массы, всегда нуждающейся в конкретных образах, король Сардинский Виктор Эммануил, и, наконец, Кавур своей удивительно проницательной и осторожной политикой сдерживает слишком стремительное движение народной партии и спасает дело родины. В стороне от них стоит Наполеон III – пятый выдающийся участник в деле создания единой Италии. Иностранец, действующий отчасти во имя отвлеченной идеи, лежащей в основе его национальной политики, отчасти же и главным образом во имя чисто династических интересов, чуждый, следовательно, искреннему увлечению итальянских патриотов, он протягивает Италии безусловно ей необходимую, хотя и не бескорыстную руку помощи, без которой еще неокрепшая страна не могла бы завершить своего великого дела; но затем надолго тормозит это дело, преследуя цели совершенно противоположные.

Глава I. Детство. Юность и первые шаги на политическом поприще

Родина Гарибальди, его происхождение, семейная обстановка и воспитание. – Черты характера героя, обозначившиеся в детские годы. – Страсть к морю и первые плавания. – Гарибальди-воспитатель. – Встреча с мадзинистом. – Знакомство с сенсимонистами. – Приезд в Марсель; знакомство с Мадзини. – Личность и политическая программа последнего. – Сен-Жульенская экспедиция. – Заговор в Генуе. – Бегство. – Смертный приговор. – Жизнь в Марселе. – Служба на корабле “Union”. – Служба у тунисского бей. – Холера в Марселе. – Отплытие в Америку

Еще несколько лет тому назад на набережной “Lunel” в Ницце ютился среди других более значительных построек маленький домик, в котором родился Джузеппе Гарибальди. Он явился на свет 22 июля 1807 года в той самой комнате, которая была уже знаменита рождением в ней Массены. Впоследствии, при расширении коммерческого порта, домик был снесен. Его купил один англичанин, который перенумеровал все камни, чтобы построить его вновь в другом месте.

Джузеппе был вторым сыном Доменико Гарибальди и его жены Розы Богиадо. Генеалогией его занимались очень много; некоторые биографы ведут род итальянского героя от знатной немецкой фамилии владетельных князей. Сам же Гарибальди никогда не интересовался вопросом о своем происхождении и в мемуарах не дает о нем никаких сведений. Достоверно лишь то, что он происходил из семьи моряков. Отец его, также сын моряка, имел свой корабль и занимался торговлей. Джузеппе был любимец в семье. Окруженный ласкою и заботами родителей, воспитанный в любящей атмосфере родной семьи, ребенок, в свою очередь, платил своим кровным самую нежную привязанностью. Впоследствии среди бурных событий своей обильной приключениями жизни он навсегда сохранил это чувство в неприкосновенной силе и свежести. Его добрая мать была для Гарибальди предметом благоговейного почитания.

“Что касается моей матери, – говорит он в своих мемуарах, – то я с твердостью могу сказать, что она была образцовой женщиной... И чему приписать я должен эту сильную любовь мою к отечеству, эту непреклонную преданность ему, как не соболезнованиям моей матери о несчастных, как не состраданию ее к несчастным? Я не суеверен, но скажу с твердою уверенностью в истине моих слов, что в случаях наиболее страшных и ужасных в моей жизни, когда волны океана ревели и с яростью бились о борт моего корабля, подымая его, как легкую соломинку, когда пули со свистом пролетали мимо моих ушей подобно бурному ветру, когда, наконец, кругом меня сыпался град пуль или ядер, – мне всегда представлялась мать, стоящую на коленях перед образом Спасителя”...

Много было таких трудных минут в жизни Гарибальди; скоро случаи смертельной опасности стали в глазах его явлением заурядным, не стоящим внимания, но память о матери навсегда осталась для него окруженной тем же ореолом святости и чистоты. Посещавшие его уединенное жилище на острове Капрере, где народный герой провел многие годы своей жизни и скончался, могли видеть среди скромной обстановки его спальни портрет почтенной старушки, с головою, повязанной красным фуляром, с бледным, но прекрасным лицом. Тем, кто останавливался перед этим портретом, он говорил с волнением: “Это моя мать”.

К отцу Гарибальди сохранил глубокое чувство благодарности. Упомянув в своих мемуарах о материальном положении семьи, постоянно подвергавшемся переменам то к худшему, то к лучшему, он между прочим говорит об отце:

“В одном я не сомневаюсь, а именно в том, что все деньги, которые он бросал на ветер, которые он спустил с большим удовольствием, были деньги, употребленные им на мое воспитание, хотя это воспитание было тяжелым бременем для его финансов”.

Тем не менее, несмотря на заботы отца, воспитание Гарибальди было, по его собственному выражению, далеко не аристократическим. Ни гимнастике, ни фехтованию, ни верховой езде его не учили. Гимнастике выучился он, лазая по вантам и спускаясь по канатам, фехтованию – защищая свою голову и стараясь разmozжить голову другим, а верховой езде – подражая диким наездникам Южной Америки – гаучо. Единственным телесным упражнением Гарибальди в молодости было плавание, которому он выучился также без учителя. Плавал он, как рыба, и, конечно, имел право считать себя одним из лучших пловцов в мире. Причину многих пробелов в своем воспитании Гарибальди объясняет тем положением, в каком в то время находилось вообще дело воспитания в Пьемонте. Оно всецело было предоставлено священникам, которые стремились делать из молодых людей скорее монахов, нежели граждан, способных служить на пользу несчастной стране.

Первым учителем мальчика был падре Джованни Джаколе, дальний родственник, постоянно живший в семье. Занятия с ним шли вяло и скорее походили на забаву. Зато старший брат Гарибальди, Анжело, тщательно следил за успехами ребенка в науках и старался развить в нем любовь к умственному труду. Кроме того, у Джузеппе был еще другой прекрасный учитель – бывший офицер Арена, который серьезно занимался с мальчиком и имел громадное влияние на его развитие, как умственное, так и нравственное. Арена приохотил своего ученика к занятиям математикой, и Джузеппе с увлечением предавался им. Но не в этом заключалась главная заслуга учителя. Громадное значение его в воспитании ребенка состояло преимущественно в том, что он заставил его основательно познакомиться с родным итальянским языком, которому по большей части не обучали детей в Ницце. Близкое соседство ее с Францией наложило свою печать на воспитание юношества; благодаря ему родной язык находился здесь в совершенном пренебрежении. На уроках отечественного языка Арена имел обыкновение читать со своим учеником римскую историю; эти чтения развивали в ребенке благоговейное удивление к его великим предкам и зародили в нем пока еще неясные, но глубоко запавшие в юную душу мечты о возможном прекрасном будущем для боготворимой родины.

“Рим, представлявшийся моему воображению в период моей юности, – говорит он, – был не только Рим в прошедшем, но и Рим в будущем, которому завидуют, который преследуют государства, потому что, будучи центром просвещения, он выводил народы на путь света и истины. О Рим! Когда я думал о бедствиях, его постигших, о его несчастьях, он для меня делался дороже и священнее всего на свете”.

Не менее сильное впечатление производили на мальчика рассказы Алены о сражениях, в которых ему приходилось участвовать. В такой чуткой и впечатлительной душе, какова была душа ребенка, подобные рассказы не могли не оставить глубокого следа; они воспитывали в нем чувство рыцарской отваги, и мало-помалу, черта за чертой, слагались элементы его героической натуры. Силы накапливались и просились наружу.

Гарибальди не было еще восьми лет от роду, когда он совершил свой первый героический поступок. Однажды, отправившись со своим двоюродным братом на охоту в Вар, он подошел к глубокой канаве, в которой прачки обыкновенно полоскали белье. Одна из них, занятая обычной работой, поскользнулась и упала в воду. Недолго думая, ребенок бросился за женщиной и спас ее.

Но не только в таких отважных подвигах человеколюбия выражалась сердечная доброта мальчика. В своих мемуарах он сам сознается, что с детства обладал добрым сердцем, и рассказывает, что всегда чувствовал особенную нежность ко всему слабому и страждущему. Жалость эта простиралась у него и на животных, или, как он сам говорит, начиналась с них.

Так, например, однажды он поймал сверчка и нечаянно оторвал ему лапку; это так огорчило мальчика, что он заперся в комнате и в течение нескольких часов неутешно плакал.

Другой эпизод из детства Гарибальди представляет особый интерес, служа доказательством, что уже в эту пору в ребенке зарождалась любовь к подвигам и необычайным приключениям. Заскучав от однообразия классных занятий, он предложил трем товарищам самостоятельно прокатиться в Геную. Сделав небольшие сбережения со школьных завтраков, мальчики запасли немного провизии и, уложив ее в рыбацкую лодку, отправились в путь. Они уже достигли Монако, когда их нагнало судно, посланное за ними отцом Гарибальди. Оказалось, что об их проделке рассказал аббат, видевший, как они отчаливали от пристани.

Наряду с этими чертами характера уже в раннюю пору жизни у Гарибальди стала обнаруживаться необыкновенная любовь к морю. Влечение это крепло с годами и обернулось наконец в настоящую страсть. Родившийся у моря, всегда имевший его перед глазами, ребенок сроднился со стихией. Чудные картины, развертывавшиеся перед ним, всегда новые и чарующие в своем бесконечном разнообразии, внесли в его душу зачатки поэзии. Море поражало его слух так же, как и зрение; оно раскрывало перед ним целый мир восхищавших его звуков. Он ловил эти звуки, то баюкающие и ласкающие, подобные певучему *andante*, то могучие и торжественные, то грозные, то стонущие, то рыдающие, и в душе его крепили и натягивались добрые, симпатичные струны, в уме слагались понятия о величии, свободе и силе, воображению рисовались неясные, но уже манящие перспективы будущих подвигов. Так же как и близкие люди, море внесло свою лепту в воспитание ребенка, и он не мог не любить его как необходимый аксессуар своей детской обстановки, как нечто родное, почти одушевленное. Он чувствовал, что родился моряком, что там, в этом широком просторе, среди шумящих волн найдут себе приложение рвущиеся наружу стихийные силы его души.

Долго противился этому влечению отец, мечтавший о более спокойной карьере для сына; он думал сделать из него священника, адвоката или доктора. Но с настойчивостью, свойственной прирожденному призванию, ребенок победил отца и отправился наконец в море. Первую свою поездку он совершил в Одессу на бригантине “Констанца”. Это первое морское путешествие еще более укрепило в мальчике убеждение, что он создан моряком. Отец не мог уже противиться его желанию и покорился. Но во второй поездке, в Рим, он решился сам сопровождать сына, так как путешествие Джузеппе в Одессу послужило для него источником нескончаемой тревоги. С восторгом пустился мальчик в это второе плавание: он должен был увидеть Рим, который, по его словам, не мог быть для него ничем иным, как “столицей мира”.

Некоторое время Гарибальди вместе с отцом занимался каботажным плаванием, а затем предпринял ряд путешествий в Левант. В этих путешествиях ему пришлось впервые лицом к лицу познакомиться с опасностью. Не раз нападали на судно морские разбойники. Гарибальди рассказывает, что в одну и ту же поездку они два раза были атакованы пиратами и совершенно ограблены; когда же в третий раз на них напали другие пираты и для них не нашлось уже ничего на корабле, то это привело разбойников в неопишемую ярость.

Однажды, прибыв в Константинополь, Гарибальди сильно заболел; при отсутствии у него денежных средств болезнь грозила ему большими неприятностями. Но Гарибальди всегда имел счастье находить людей, готовых ему помочь. В нем приняла участие одна дама, уроженка Ниццы, по имени Луиза Савего. Она заботливо ухаживала за ним в течение всей болезни и снабжала его всем необходимым. Так как это происходило во время войны между Турцией и Россией, то Гарибальди не мог тотчас же выехать из Константинополя и занял место наставника при трех маленьких мальчиках в семействе вдовы Титани, итальянки. Проведя несколько месяцев в этой семье, он впервые поступил капитаном на бригантину “Св. Богородица” и на ней отплыл из Константинополя.

В течение некоторого времени еще продолжались морские плавания Гарибальди, во время которых он не переставал обогащать себя знаниями и пополнять пробелы своего образования. При этом постоянно и неотвязно приковывала к себе его внимание мысль о возрождении Италии.

“Всегда проникнутый высоким чувством патриотизма, – говорит он, – я во всех обстоятельствах моей жизни не переставал спрашивать то людей, то книги, открывавшие мне свои тайнства, то, наконец, сами события, о воскрешении Италии; до двадцати четырех лет эти поиски мои оставались тщетными, и я бесполезно утомлял себя такими вопросами”.

Наконец представился случай разрешить эти мучительные вопросы. Как-то, прибыв в Таганрог, Гарибальди зашел в один из скромных трактиров, где обыкновенно собирались моряки за стаканом вина. Тут застал он нескольких итальянцев; между ними оказался член “Молодой Италии”, общества, незадолго перед тем основанного Мадзини. Гарибальди услышал горячую речь молодого патриота, говорившего о страданиях родины. С пылом, свойственным молодости, член “Молодой Италии” защищал мысль, что возмущение представляет единственный путь к спасению страны. Для Гарибальди эта речь была своего рода откровением.

“Для нашей несчастной страны оставался еще луч надежды, – говорит он в своих мемуарах, описывая, под каким впечатлением он оставил маленький трактир в Таганроге. – Христофор Колумб – я объявляю это публично – не был счастливее, когда, заблудившись в Атлантическом океане, не зная, куда направить путь, осыпавшись угрозами своих спутников, у которых он просил еще три дня иметь терпение, услышал в конце третьих суток столь радостное для него восклицание: “Земля!” – Он не был, говорю я, счастливее меня, когда я услышал крик “отечество!”. Следовательно, были люди, которые думали об освобождении Италии!”.

Гарибальди тогда поклялся умереть за отечество.

В том же году партия сен-симонистов, изгнанных из Парижа, отправлялась на восток на корабле, которым командовал Гарибальди; между ними был известный Эмиль Барро, предводитель маленькой колонии ссыльных. Гарибальди подошел к Барро, заявил о своей национальности, и тотчас же между ними завязалась откровенная беседа, в которой сен-симонисты посвятили молодого итальянца в свои широкие идеи братства, равенства всех людей, в свои мечты об уничтожении бедности и страдания на земле, в свой культ женщины и так далее. Юноша был пленен. Внезапно кругозор его расширился; родина, нация отступили назад перед всеобъемлющей идеей человечества.

“Я возвращался полный энергии, полный новых идей, – говорит он, – жадный до новых событий, и спрашивая самого себя – не было ли в этом непреодолимом призвании, которое я чувствовал в себе, быть отважным мореходом, еще новых, не замеченных мною горизонтов? И я видел уже эти горизонты сквозь неясный и отдаленный туман будущности”.

После этого перелома в своей жизни Гарибальди не мог уже заниматься торговлей; он горел желанием сделать что-нибудь для Италии и с этою целью отправился в Марсель, где жил в то время Мадзини. Туманные грезы, навеянные уроками Арены, начинали принимать определенные очертания.

По приезде в Марсель в 1831 году Гарибальди познакомился с Мадзини. Сын доктора, человека выдающегося по образованию и нравственным качествам, Джузеппе Мадзини вырос в среде, где, так сказать, с молоком матери всосал в себя идеи о независимости Италии. Окончив университетское образование, он выбрал для распространения своих идей литературное поприще как, по его мнению, единственно пригодное для этой цели. Выступая в литературе в переходную эпоху борьбы классицизма с романтизмом, он прежде всего постарался выяснить себе обязанности итальянского писателя и следующим образом определил их:

“Изучать наши исторические воспоминания, забытые или непонятые сочинения наших великих людей, стремления итальянского народа в прошедшем; говорить итальянской молодежи о величии ее предков, рассказывать историю их падения и его причины; пробуждать уважение к людям, пострадавшим за исполнение своего долга, и презрение к изменившим ему из любви к материальным наслаждениям; внушать, что только нравственные основы могут создать великий народ, проповедовать любовь мужчины и женщины в равноправном союзе – такова обязанность писателя наших дней”.

Достаточно прочитав эти строки, так удивительно гармонизировавшие с настроением Гарибальди, чтобы сказать с уверенностью, что, познакомившись друг с другом, Мадзини и Гарибальди не могли не сделаться друзьями. В то время Гарибальди было 24 года; Мадзини был годом моложе, но далеко старше его политической опытностью и образованием. Несмотря на свои 23 года, он уже успел многое перенести, много поработать на пользу родины.

Литературные занятия не могли долго удовлетворять Мадзини. Стремясь расширить круг своей деятельности, он поступил в общество карбонариев, где вскоре получил степень магистра, а затем в непродолжительном времени и высший ранг. За свою принадлежность к обществу Мадзини подвергался преследованию властей и, будучи еще почти юношей, должен был оставить отечество. С тех пор он постоянно вел жизнь скитальца. Вскоре, однако, последовало для него разочарование в карбонариях, и он разошелся с ними. Мадзини упрекал их в выборе вождей среди высших классов, в пренебрежении к массе народа, в отсутствии положительных идеалов, в служении лишь *свободе* и *независимости* при полном игнорировании равенства, в излишней формалистике и театральности, и, наконец, в монархизме. Во всем этом он видел признаки разложения и взамен составил собственный план нового общества “Молодая Италия”, включая в этот план программу не только политического преобразования, но и коренных изменений в нравственном и религиозном строе общества.

К тому времени, когда Мадзини познакомился с Гарибальди, он только что основал общество “Молодая Италия” и начал издавать журнал под таким же названием. Программа его заканчивалась рядом следующих положений, приводимых нами в кратком извлечении: 1) итальянскую нацию составляют все итальянцы; 2) “Молодая Италия” должна быть республиканскою и единою; 3) члены “Молодой Италии” не должны забывать, что без нравственных основ нет гражданина; 4) средства “Молодой Италии” – воспитание и восстание; 5) вначале для успеха восстания необходима диктаторская власть.

Гарибальди, сразу поддавшийся влиянию Мадзини, всецело примкнул к этой программе и вступил в “Молодую Италию”. Таким образом, сошлись эти два человека – натуры диаметрально противоположные. Фанатик и аскет, Мадзини все силы своего духа вложил в одну, безраздельно поглотившую его идею; мягкости и терпимости Гарибальди, всегда легко угадывавшего малейшее движение чужой души, он противопоставлял суровую непреклонность, которой напоминал фанатического сектанта. Мадзини жил постоянно в сфере общих идей и редко спускался с высоты своего идеала к фактам действительности; Гарибальди был создан для жизни среди себе подобных, на страдания и радости которых так легко отзывалось его чуткое сердце. Если впоследствии Гарибальди стал идиологом своего народа благодаря неиссякаемому источнику любви и сострадания к ближним, если в тяжелой и полной лишений жизни его согревали отраженные лучи того самого пламени, которое теплилось в душе героя, то железный характер Мадзини, необычайная сила его ума и непоколебимая вера в свою идею сделали его единственным, всеми признаваемым главою движения, *santo maestro* (святой учитель), как его называли. По одному его слову люди шли на виселицу, под расстрел и гибли в казематах. Такою личностью не мог не увлечься восторженно настроенный молодой Гарибальди. При первом же знакомстве он предложил Мадзини свои услуги, уверяя, что на него можно положиться.

В то время Мадзини был занят организацией так называемой сен-жюльенской экспедиции. Гарибальди взял на себя миссию вербовать на море сторонников революции; с этой целью он поступил во флот на государственную службу, причем действовал так успешно, что фрегат “Эвридика”, на котором он служил, готов был примкнуть к восстанию. Ядро заговора группировалось вокруг Мадзини в Женеве, куда он принужден был удалиться из Марселя по настоянию французских властей. Оттуда условлено было ожидать сигнала, и тогда две колонны должны были одновременно проникнуть с разных сторон в Пьемонт. Начальником экспедиции был выбран польский генерал Раморино. Мадзини не одобрял этого выбора, но должен был уступить общему желанию. Скоро обнаружилось, насколько он был прав.

Раморино не верил в успех экспедиции и бесконечными проволочками более чем на год затянул ее осуществление. Когда, наконец, по настоянию Мадзини войска выступили в поход, Раморино, вместо того, чтобы направиться согласно условию в деревню Сен-Жюльен, стал без цели бродить вокруг Женевского озера. Тогда Мадзини, потеряв терпение, сам примкнул к отряду Раморино, чтобы следить за действиями генерала. Но болезнь свалила его в ту минуту, когда он готовился сразиться с правительственными войсками, окружившими отряд. Оказалось, что весть о заговоре успела достигнуть правительства, и дело Мадзини было проиграно. Одна из колонн была задержана швейцарскими войсками, а другая – частью взята в плен, частью рассеяна.

Между тем Гарибальди, находившийся на своем судне, ждал условленного сигнала с суши. Но время проходило, не принося с собою ожидаемых вестей; тогда Гарибальди предоставил фрегат на попечение других, а сам в легком челноке отправился в Геную. Причалив к таможене, он поспешил на площадь Сарзана, где находились казармы для жандармов и откуда должно было начаться восстание. Пробыв на площади около часу в бесплодном ожидании, Гарибальди узнал наконец, что экспедиция не удалась и что некоторые лица уже арестованы. Вскоре на площади стали появляться правительственные войска. Для Гарибальди представлялся единственный исход – немедленное бегство. Он укрылся у одной торговки фруктами и рассказал ей обо всем. Добрая женщина спрятала его в комнате за лавкой, и к вечеру, переодетый в крестьянское платье, медленной походкой, как бы для прогулки, он вышел из города. Избегая большой дороги, перебираясь через плетни и заборы, пуская в ход все свои гимнастические навыки, он на десятые сутки ночью благополучно добрался до Ниццы и пришел прямо к тетке, не желая неожиданным появлением испугать свою мать. Пробыв целый день в Ницце, он на следующую ночь отправился в дальнейший путь по направлению к Марселю. Его сопровождали двое товарищей. Подойдя к Вару, они заметили, что вода в нем вследствие последних дождей сильно поднялась. Переправа через Вар очень опасна и в обыкновенное время, а тем более в половодье. Но Гарибальди не мог медлить; простившись со своими товарищами, он вплавь переплыл бурную реку. Это был героический подвиг для всякого другого, но не для Гарибальди. Выйдя на берег, он прямо подошел к пограничной страже и объявил, кто он и зачем бежал из Генуи. Его арестовали немедленно и в ожидании дальнейших распоряжений из Парижа отправили под конвоем в Драгиньян. Здесь его ввели в комнату на втором этаже с окном, выходившим в сад. Делая вид, что хочет полюбоваться пейзажем, он смерил глазами расстояние до земли и, недолго думая, выпрыгнул из окна. В то время как менее ловкие таможенные надсмотрщики делали большой круг по лестнице, Гарибальди уже очутился на дороге и побежал к горам. Он не знал дороги в Марсель, но опытный моряк всегда определит по звездам, какого направления следует держаться. Придя на другой день в лежавшую по пути деревню, Гарибальди зашел в гостиницу, где нашел хозяина с хозяйкой за ужином. Ему предложили место за столом. Между гостем и хозяевами завязалась беседа, и Гарибальди рассказал своим добродушным слушателям, каким образом он добрался до их деревни и как избежал смерти на родине и тюрьмы во Франции. Испуганный хозяин заявил, что, к сожалению, должен арестовать его. На это Гарибальди ответил, что спешить с арестом

нет надобности, так как он еще голоден, и спокойно продолжал есть. Между тем в гостиницу собрались обычные посетители. Хозяин перестал говорить об аресте, но продолжал зорко следить за своим подозрительным гостем. Желая успокоить его хотя бы с одной стороны, Гарибальди нарочно зазвенел несколькими экю, находившимися у него в кармане. Затем, выбрав минуту, когда один молодой человек при общих криках “браво” только что кончил модную тогда песню, подошел к окружавшим певца слушателям со стаканом в руке. “Теперь моя очередь, господа!” – сказал он и запел переложенные на музыку стихи Беранже, у Гарибальди был прекрасный тенор, и песня вызвала общий восторг. По всей гостинице раздавались крики: “Да здравствует Беранже, да здравствует Франция, да здравствует Италия!” Вся ночь прошла в пении, а на рассвете компания дружески проводила певца в дальнейший путь. “Беранже умер, – замечает Гарибальди, – конечно, не зная об услуге, которую он мне оказал!”

Прибыв благополучно в Марсель, Гарибальди узнал уже достоверно, что избежал в Италии смертной казни. Вместе с Мадзини и некоторыми другими участниками восстания он был присужден к повешению. “Виновные, – гласит приговор, – должны быть преданы в руки палача, который, надев им петли на шею, проведет их по городу в торговый день до места казни, где они будут повешены”.

Несколько месяцев прожил Гарибальди в Марселе без всяких занятий в доме своего друга. Опасаясь ареста, которого еще можно было ожидать, он переименовал свое имя и назвался Иосифом Паном. Вскоре для него нашлось место матроса второго разряда на корабле “Union”. В это время ему удалось снова спасти жизнь ближнему. Однажды, разговаривая со своим капитаном, он заметил, как мальчик, прыгавший с барки на барку у набережной, упал в воду. Гарибальди моментально бросился за ним в своем праздничном платье и, два раза нырнув безуспешно, на третий раз вытащил ребенка из воды. Громкие крики “браво” встретили его, когда он сложил на берегу свою ношу. “Слезы радости и благословения матери ребенка, – говорит он, – щедро наградили меня за мой подвиг”.

На корабле “Union” Гарибальди совершил свое третье путешествие в Одессу, а затем поступил на службу на фрегат тунисского бея, который желал организовать свой флот по-европейски. Но служба эта оказалась не по душе Гарибальди, и он поспешил вернуться в Марсель.

Вернувшись, он застал город в глубоком трауре. Холера, свирепствовавшая в 1835 году по всей Европе, хозяйничала теперь в Марселе. В городе не оставалось никого, кроме больных, докторов и сиделок; все население выехало, что делало Марсель похожим на обширное кладбище. В госпиталях не хватало сиделок, и доктора искали добровольцев. Руководствуясь своим решением служить не только родине, но и всему человечеству, повинаясь влечению своего доброго сердца, Гарибальди поступил в госпиталь и все время, пока свирепствовала болезнь, добросовестно исполнял тяжелую обязанность сиделки.

К тому времени, когда эпидемия стала ослабевать, Гарибальди представился случай поступить вторым матросом на бриг “Мореппаватель”, отправлявшийся в Америку. Жажда повидать новые страны овладела им: он поступил на бриг и с ним отплыл в Рио-де-Жанейро.

Глава II. Гарибальди в Америке

Приезд в Рио-де-Жанейро. – Россети. – События в Бразилии. – Гарибальди-корсар. – Тюрьма и пытка. – На службе в республике Рио-Гранде. – Постройка ланцион. – Кораблекрушение. – Женидьба. – Такварийское сражение. – Сен-Симон. – Рождение сына. – Девять дней в лесу. – Отъезд в Монтевидео. – Возжатый быков. – Торговец и учитель математики. – На службе республики в Монтевидео. – Итальянский легион. – Бедность Гарибальди

Приехав в Рио-де-Жанейро, Гарибальди почти сейчас же нашел себе друга, что было вполне неожиданно в этой части света. Случайно встретился он с молодым итальянцем по имени Россети, уже раньше поселившимся в Америке, и очень скоро близко сошелся с ним. В то время Америка служила любимым местом эмиграции для итальянцев, недовольных государственным строем отечества. Гонимые за свои убеждения, не находя сочувствия своим взглядам, не видя возможности приложить свои силы на родине, они отправлялись в Америку и здесь искали дела, отвечавшего их душевному складу. Для этих людей, проникнутых, подобно многим своим соотечественникам того тяжелого времени, идеей служения всемирной свободе, Америка становилась вторым отечеством, и они охотно отдавали ей силы, отвергнутые в Италии. К этим людям примкнул Гарибальди.

Первые месяцы провел он, как говорит сам, в безделии: купив маленькое морское судно, занимался торговлей. Но вскоре ему представился случай примкнуть к одной из политических партий в стране, познакомившись с Замбекари, секретарем Бенту Гонсалвиша, президента Рио-Грандской республики, воевавшей в то время с Бразилией.

Гарибальди вооружил небольшое судно для плавания вдоль берегов и назвал его “Мадзини”. Во время одного из таких плаваний с командой из 16 человек, с оружием и амуницией, спрятанными под вяленой говядиной и маниоком, Гарибальди заметил голет с бразильским флагом и направил “Мадзини” прямо на него. Подойдя к голету, Гарибальди объявил, кто они, и требовал немедленной сдачи. Растерявшаяся команда не протестовала. Гарибальди взшел со своими людьми на палубу и таким образом завладел голетом. Считая себя во власти морских разбойников, один из пассажиров, бедно одетый, подошел к Гарибальди и открыл перед ним маленький ящик, в котором лежали бриллианты. Эти камни он предлагал в качестве выкупа за свою жизнь. Гарибальди взял ящик, запер его и отдал пассажиру, говоря, что так как жизнь его не находится в опасности, то он может приберечь свои сокровища до другого случая. Оружие и припасы, находившиеся на “Мадзини”, были немедленно перенесены на голет, и “Мадзини” был потоплен. Голет оказался принадлежащим богатому австрийцу, отправлявшемуся с грузом кофе в Европу; национальность владельца служила для Гарибальди лишним аргументом в пользу присвоения судна. Голет, названный новым капитаном “Скоропилья”, направился в Рио-де-Ла-Плата. По пути лежал остров Св. Екатерины. Гарибальди, желая раз и навсегда дать своей команде урок обращения с пассажирами, спустил с голета единственную бывшую в его распоряжении лодку, велел посадить в нее всех пассажиров, снабдил их провизией и, подарив им лодку, разрешил плыть куда угодно.

Прибыв в Мальдонато, где был принят очень дружелюбно, Гарибальди отправил Россети продать часть кофе, захваченного вместе с голетом. Вскоре оказалось, что Ориб, начальник республики Монтевидео, приказал правителю города Мальдонато арестовать корсаров. Правитель, не исполнив приказания, посоветовал, однако, Гарибальди как можно скорее оставить город. Но Гарибальди нуждался в деньгах для своей команды и решил, что не выйдет из гавани, пока не рассчитается с одним купцом, взявшим у него в кредит несколько мешков кофе, за которые не хотел теперь платить. Несмотря на крайнюю опасность быть арестованным, он отправился около девяти часов вечера в квартиру купца, захватив с собою

пару пистолетов. Купец только что вышел на крыльцо полюбоваться прелестным вечером. Увидев издали фигуру Гарибальди, он стал показывать знаками, что ему следует удалиться как можно скорее. Но Гарибальди сделал вид, что ничего не понимает и, подойдя к купцу, в упор приставил ему к горлу пистолет. “Подавай деньги!” – воскликнул он и, заметив, что купец собирается вступить в объяснение, трижды повторил свое требование. Тон, видимо, был столь внушителен, что купец немедленно отсчитал требуемую сумму; в одиннадцать часов вечера “Скоропилья” уже неся по направлению к Ла-Плате.

Путешествие сопровождалось неприятными приключениями, которые, однако, обошлись в конце концов благополучно. Однажды, когда на судне чувствовался сильный недостаток в провизии, Гарибальди заметил на материке дом, похожий на ферму. Он приказал идти к берегу и стать на якорь. Но, на беду, на голете не было шлюпки. Недолго думая, Гарибальди привязал к четырем ножкам обеденного стола по бочке, посередине вбил кол, за который можно было бы держаться и, вооружившись багром, отправился с одним из матросов искать счастья в виде провизии на предполагаемой ферме. “Качаясь и танцуя, как какие-нибудь фиגляры, – пишет он, – мы начали пробираться на берег, ежеминутно рискуя опрокинуться в воду”. Благополучно достигнув материка, радушно принятый на ферме, где нашел среди дикой, пустынной местности хозяйку, цитировавшую наизусть Данте и Петрарку, Гарибальди провел ночь на берегу. С наступлением утра пассажиры оригинального судна пустились в обратный путь, привязав к колу целого быка, разрезанного на части, запасшись, следовательно, достаточным количеством провизии, но лишившись последней опоры на своей плавучей платформе. Опасность усиливалась еще и тем, что предстояло преодолеть линию бурунов, окаймляющих берег в этих местах, и, кроме того, плыть по пояс в воде благодаря взятому грузу. Но не было опасности, которую не презрел бы Гарибальди; и в этом случае, как и в большинстве других, дело окончилось благополучно.

Через несколько дней Гарибальди пришлось выдержать первое сражение с двумя судами, пустившимися за ним в погоню. Заметив в пылу битвы, что рулевой убит, он бросился к рулю, но тут же упал, раненный пулей между виском и ухом. Сражение кончилось без его участия и завершилось бегством неприятеля. “Скоропилья” поплыл дальше. В течение 19 дней пришлось обходиться без помощи врача. Рана Гарибальди была мучительна, глотание затруднено; сильная лихорадка изнуряла больного. В эти трудные минуты, находясь между жизнью и смертью, Гарибальди был окружен нежной заботливостью друга своего, Людовика Корнилия, который довез его до Галегай. Здесь, благодаря рекомендательным письмам, данным ему одним знакомым капитаном, Корнилий сдал своего больного домашнему врачу губернатора провинции Рио. Пуля была вынута очень удачно, Гарибальди стал поправляться, но когда выздоровел, узнал, что числится арестантом. Участь его зависела от Росаса, диктатора Буэнос-Айреса, который пока еще ничего не решил.

Гарибальди было позволено делать прогулки; ему выдавался ежедневно один экю на содержание взамен конфискованного у него голета; с ним обходились вообще очень милостиво. Хотя прогулки его были ограничены определенным районом, за пределы которого он не имел права переступать, однако надзор за ним был слаб; правительство, видимо, тяготилось дорогостоящим арестантом и давало ему возможность бежать. Но и без всяких намеков он сам давно решил бежать. Благодаря содействию добрых людей, которых Гарибальди имел особенное счастье всегда встречать в затруднительных случаях, бегство удалось. Он был уже далеко от города, когда, остановившись для отдыха, внезапно увидел вокруг себя отряд вооруженных всадников. Со связанными за спину руками, с ногами, привязанными к подпруге лошади, Гарибальди был привезен обратно в Галегай. За отсутствием в городе губернатора, Паскаля Этага, хорошо расположенного к Гарибальди, должность его исправлял некто Леонардо Милан. К нему-то и привели связанного беглеца. Милан потребовал имен участников побега. Гарибальди упорно отрицал участие в нем кого бы то ни было. Тогда,

шепнув провожатым несколько слов, Милан велел отвести арестанта в тюрьму. “Никто не упрекнет меня в том, что я слишком нежил себя, – говорит Гарибальди в своих мемуарах, – и что же – признаюсь, дрожь пробегает по моему телу всякий раз, когда я вспомню об этом обстоятельстве моей жизни”. По прибытии в тюремную камеру стражи, не развязывая рук узника за спиной, привязали у самых кистей конец длинной веревки, перебросили через бревно другой ее конец и, потянув веревку к себе, подняли его от земли на четыре или пять футов. “После этого, – говорит Гарибальди, – дон Леонардо Милан вошел в мою тюрьму и спросил, хочу ли я сделать показание. Я мог только плюнуть ему в лицо и не отказал себе в этом удовольствии”. Милан приказал продержать узника в таком положении, пока последний не признается. Тело несчастного горело, как раскаленные уголья; ежеминутно он просил пить; стража не отказывала ему в воде, но жажда была неутолима. Наконец после двух часов нестерпимых мук стражи сжалились и спустили Гарибальди на землю, считая его умершим. Представляя из себя неподвижную массу, похожую скорее на труп, нежели на живого человека, Гарибальди был закован в кандалы и отправлен за пятьдесят миль в другую тюрьму. Все это расстояние прошел он пешком по болотистым местам со скованными ногами и руками, при этом москиты искусили все его тело.

По прибытии в тюрьму он был посажен вместе с убийцей. Одна добрая женщина, госпожа Аллеман, взяла на свое попечение умирающего Гарибальди и снабжала его в тюрьме всем необходимым. Как только вернулись к нему силы, он был отправлен в другую тюрьму и затем губернатором отпущен на свободу. Впоследствии тот же Леонардо Милан был взят в плен отрядом Гарибальди; последний не захотел видеть его, желая избежать соблазна совершить поступок, который считал бы недостойным себя. Очувтившись на свободе, Гарибальди отправился в дальнейший путь вверх по реке. Заехав по дороге в Монтевидео, он встретился там со многими друзьями и среди них с Купео, тем самым мадзинистом, который несколько лет тому назад так пленил его своею речью в маленьком трактире в Таганроге. У одного из этих друзей он в течение месяца скрывался от преследования властей, а затем отправился с Россети в Пиратинен, тогдашнее местопребывание республиканского правительства Рио-Гранде.

Столица провинции – Порту-Алегри – находилась во власти императора. За отсутствием президента Бенту Гонсалвиша, находившегося тогда в походе, Гарибальди был представлен министру финансов, который разрешил ему примкнуть к действующей армии.

С этих пор Гарибальди становится героем длинного ряда легендарных подвигов, слава о которых переносится за пределы океана и достигает его родины. Перечисление всех этих подвигов требовало бы целой книги; мы ограничимся в своем рассказе лишь самыми выдающимися и характерными.

Вскоре после прибытия Гарибальди в армию Бенту Гонсалвиша ему было поручено вооружение двух ланцион, строившихся на речке Комакуа, предназначенных для разъездов по озеру Лос-Патос. Эти небольшие, легкие на ходу, неглубоко сидящие шлюпы, крейсируя по озеру, сильно беспокоили большие имперские суда. Встречая на каждом шагу препятствия в виде многочисленных мелей и рифов, последние часто лишались возможности преследовать врага.

По реке Комакуа, где строились шлюпы, простирались обширные земли, принадлежащие братьям Бенту Гонсалвиша и его родственникам. В этих богатых имениях Гарибальди и его товарищи встречали радушный прием. Однажды, высадившись у фермы, принадлежавшей сестре президента, и вытащив на берег суда, весь экипаж расположился у сарая. Окончив завтрак, команда разбрелась на работы в разные стороны. У сарая оставался один Гарибальди с поваром. Все шестьдесят ружей по числу людей в экипаже были оставлены в сарае. Никто не подозревал, что в пяти-шести шагах от сарая, в лесу, скрылся со ста пятьюдесятью австрийцами полковник Абреку, прозванный за хитрость *куницей*. Вдруг, к великому своему

удивлению, Гарибальди слышит за собой выстрел и, оглянувшись, видит несущуюся к ним галопом кавалерию. Одним прыжком Гарибальди очутился в сарае; за ним последовал повар. Но неприятель был так близко, что в то мгновение, когда Гарибальди переступил через порог сарая, плащ его был проткнут ударом пики. Он схватил одно из ружей, стоявших в козлах, выстрелил в неприятеля, затем схватил другое, третье и т.д. Ни один выстрел не пропадал даром. Между тем повар заряжал и подавал ружья. Если бы неприятелю пришло в голову ворваться в сарай, дело кончилось бы сразу; но полковник воображал, что здесь заперся весь экипаж, и вследствие этого предположения отступил несколько, продолжая стрелять. Тут скрытые облаком дыма сбежались один за другим многие товарищи Гарибальди. Пять часов продолжалась осада, сопровождаемая непрерывной пальбой. Австрийцы брали сарай приступом; они влезали на крышу, стараясь таким образом пробраться внутрь, но тут же пораженные пулями осажденных проваливались в ими же самими проделанные отверстия. Наконец, получив опасную рану в руку, полковник отступил. Гарибальди имел право торжествовать: он перехитрил “куницу”.

Вскоре была назначена экспедиция в провинцию Санта-Катарина. Приглашенный принять участие Гарибальди поступил под начальство генерала Канаваро. Двум новым, только что построенным шлюпам предстояло выйти в море. Но, по несчастью, выходом из озера владел неприятель. Чтобы обойти это препятствие, Гарибальди, для которого не существовало слова *невозможно*, придумал комбинацию, удивительную по своей смелости.

План его был в точности выполнен, и оба судна вышли в океан, всегда бурный и неприступный в этих краях по причине бурунов, свирепствующих вдоль берега.

На судне “Рио-Пардо”, которым командовал Гарибальди, было 30 человек экипажа; судно пришлось сильно нагрузить. Между тем, уже с вечера, когда выходили в море, со страшной силою дул южный ветер, сгущая массу облаков. Чрезмерно нагруженное судно часто совершенно покрывалось волнами. К трем часам следующего дня ветер достиг наибольшей силы. Внезапно набежавшая волна опрокинула корабль набок. Гарибальди, сброшенный с высоты фок-мачты, забыл о собственной безопасности и, как искусный пловец, стал собирать разные плавучие предметы, подавая их товарищам. Тут он заметил, что на Людовике Корнилии была толстая суконная куртка, в которой он не мог плыть. Гарибальди поспешно достал свой нож и разрезал ее на спине; оставалось только стащить ее с товарища. В эту минуту налетевшая волна навсегда разлучила их, и Корнилий, ближайший друг Гарибальди, больше не появлялся. Другой друг его, Эдуард Мутру, пошел ко дну в ту самую минуту, когда Гарибальди протягивал ему руку, чтобы спасти его. Обезумев от горя, поплыл Гарибальди к берегу. “Мир казался мне пустыней, – пишет он, – я сел на морском берегу, опустил голову и плакал”. Из тридцати человек утонуло шестнадцать, и среди них все итальянцы. Жалобный стон заставил несчастного очнуться: оставшиеся в живых напоминали о себе. Они околели от холода, многие из них лежали похожие на трупы. Забыв на время свое горе, Гарибальди занялся их оживлением. С огромными усилиями подняв на ноги наиболее слабых, он всех заставил бегать в течение целого часа. Эта гимнастика возвратила им гибкость членов, и они могли отправиться на соседнюю ферму, где жители оказали им гостеприимство. Крушение произошло у берега провинции Санта-Катарина. Вскоре Гарибальди присоединился к авангарду республиканской армии и получил командование голетом для плавания по озеру Санта-Катарина.

Гибель друзей тяжело сказывалась на настроении Гарибальди; ему казалось, что он остался один в мире. Гнетущее чувство одиночества овладело всем его существом и дало новое направление его мыслям. До сих пор вопросы личной жизни не существовали для него; если у него было дело, отвечавшее его запросам, он был доволен и не искал другого счастья. Но раз мысль его приняла известное течение, она должна была привести его к естественному заключению. Гарибальди решил, что выходом из тяжелого его состояния может

послужить только женитьба. До тех пор он не допускал мысли о женитьбе; ему казалось, что для человека с его задачами семейная жизнь неосуществима, и он был по-своему прав. Но умозаключения людей счастливых часто имеют мало общего с логикой обездоленных; Гарибальди, вышедший из озера Трамандаи, и Гарибальди, потерпевший крушение, были разные люди и должны были мыслить по-разному. С этой мыслью о женитьбе, которая теперь не оставляла его, он обращал свои взоры на берег. Небольшая гора, на которой находилась ферма, была в соседстве, и он с палубы своего судна видел красивых молодых девушек, занимавшихся различными домашними работами. Особенно привлекала его внимание одна из них – смуглая, как креолка, с правильным строгим лицом, с огненными глазами и чудными, черными как смоль волосами. Получив приказание сойти на берег, Гарибальди немедленно отправился в дом, так долго приковывавший его взоры. С бьющимся от волнения сердцем, но с твердым намерением достигнуть своей цели, он пошел к дому. Какой-то человек пригласил его войти. “Впрочем, – говорит Гарибальди, – я бы вошел, если бы даже он меня и не пригласил”. В доме он увидел молодую девушку, подошел к ней и сказал: “Дева, ты будешь моею женой”. В тот же вечер Анита оставила родительский дом и навсегда связала судьбу свою с судьбою Гарибальди. После нескольких лет свободной любви они были обвенчаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.